

ПОРОЖДЕНИЕ РЕЧИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

С. И. Лебединский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, lebedinskii@bsu.by*

В статье представлено исследование проблемы порождения речи в контексте стратегической психолингвистики. При стратегическом подходе к анализу речемыслительных процессов уникальность, вариативность, многовекторность и многоуровневость порождения речи можно свести к относительно небольшому перечню общих (универсальных) и индивидуальных стратегий, которыми пользуются говорящие при порождении речи. Общим в стратегиях порождения речи является принцип реализации когнитивных операций, а индивидуальным – способы достижения цели, которые отличаются уникальностью и вариативностью и формируются в зависимости от presuppositional, профессиональной, языковой и когнитивной компетентности говорящих, которая формирует операционный потенциал стратегий и стимулирует говорящих к порождению речи под индивидуальным углом зрения.

Ключевые слова: порождение речи; стратегии порождения речи; стратегии формирования семантической картины высказывания; стратегии конструирования пропозиций; аналоговые стратегии; стратегии конструирования концептуальной структуры высказывания; стратегии преобразования схем посредством уточнения или детализации отдельных частей схем; стратегии грамматического конструирования высказываний; алгоритмические и стохастические стратегии конструирования высказываний.

GENERATION OF SPEECH IN THE CONTEXT OF STRATEGIC PSYCHOLINGUISTICS

S. I. Lebedinskiy

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4,
220030, Minsk, Belarus, lebedinskii@bsu.by*

The article presents a study of the problem of speech generation in the context of strategic psycholinguistics. With a strategic approach to the analysis of speech-cognitive processes, the uniqueness, variability, multi-vector and multi-level nature of speech production can be reduced to a relatively small list of general (universal) and individual strategies that speakers use when generating speech. What is common in speech generation strategies is the principle of implementing cognitive operations, and what is individual is the methods of achieving the goal, which are unique and variable and are formed depending on the presuppositional, professional, linguistic and cognitive competence of the speakers, which forms the operational potential of the strategies and stimulates the speakers to generate speeches from an individual point of view.

Keywords: generation of speech; strategies for generating speech; strategies for forming a semantic picture of an utterance; strategies for constructing propositions; analog strategies, strategies for constructing the conceptual structure of an utterance; strategies for transforming schemes by clarifying or detailing individual parts of the schemes; strategies for grammatical construction of utterances; algorithmic and stochastic strategies for constructing utterances.

Введение. Современная психолингвистика обладает богатым арсеналом экспериментальных данных, позволяющих описать различные процессуальные структуры речевого поведения говорящих и слушателей в процессе коммуникации. В то же время некоторые вопросы в этой области до сих пор остаются нерешенными и требуют теоретической проработки и экспериментальной верификации. Среди них особое место занимает проблема порождения речи, которая, несмотря на свою актуальность, до сих пор не нашла исчерпывающего решения в современной психолингвистике. Решение этой проблемы в аспекте выявления и описания максимально полного набора речемыслительных и речевых стратегий и тактик, используемых говорящими в процессе продуцирования речи, актуально не только для разработки стратегической теории порождения речи, но и для решения прикладных лингводидактических задач, связанных с обучением говорению иностранцев, а это требует внесения в действующие модели речепорождения дополнительного набора стратегий, отвечающих за внутренние межъязыковые перекодировки, которые должны быть ориентированы на точную передачу смысла задуманного и недопущение смысловых сбоев, обусловленных отрицательным воздействием межъязыковой интерференции двух контактирующих языков – русского и родного языка говорящих.

Основная часть. В психолингвистической литературе представлено несколько десятков моделей речепорождения. Вместе с тем, потребности педагогической практики определяют необходимость выбора какой-либо одной концептуальной модели речепорождения, которая могла бы быть использована в качестве эталонной, «базовой» теоретической модели при обучении продуцированию и репродуцированию речи на иностранном языке, в том числе и на русском языке как иностранном. В психологическом плане более обоснованными и аргументированными являются модели порождения речи, разработанные российскими учеными А.А. Леонтьевым, Т.В. Ахутиной и И.А. Зимней. Их отличительными признаками являются глубокий научный анализ, наглядность изложения предметного содержания, цельность и четкость структурного построения моделей [1]. Однако для использования в лингводидактике, на наш взгляд, эти модели речепорождения не совсем пригодны, поскольку, во-первых, они слишком сложны для преобразования их в обучающие модели и в большей

мере ориентированы на взаимосвязанные действия всех уровней, где каждое звено одного уровня является компонентом другого уровня [2, с. 81], а это затрудняет вычленение операций и действий, которые можно отработать в учебном процессе при обучении иностранцев производству речи на русском языке, во-вторых, они чрезмерно детализированы и громоздки и в большей мере пригодны для описания трудных случаев речепорождения, которые требуют максимально полной разверстки всех ментальных процедур, теоретически возможных при продуцировании речи, в то время как порождение обычных, неосложненных высказываний (а их в учебном процессе большинство), обычно протекает по редуцированной схеме с пропуском или уплотнением некоторых ментальных процедур.

По мнению автора, наиболее приемлемым для учебного процесса вариантом модели речепорождения является некий усредненно-упрощенный вариант, базирующийся на процессуальных схемах порождения речи, отраженных в моделях А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной (Рябовой), А.Р. Лурия, И.А. Зимней, В. Фрумкина, Л. Барсалоу и некоторых других исследователей. Согласно такому варианту лингводидактическую схему речепорождения можно представить следующим образом: формирование коммуникативной интенции и программирование внутренней структуры высказывания в соответствии с исходным смысловым замыслом → конструирование адекватной смысловому замыслу синтаксической схемы высказывания с установлением позиций (слотов) для слов (значений), которые следует отобрать → выбор правил комбинирования слов и самих слов для внесения их в синтаксическую схему высказывания → дополнение схемы нужными компонентами или модификация (преобразование, детализация) схемы с учетом внесения в нее детализирующих сведений → корректировка высказывания на основе дискурсивной оценки ситуации и условий общения и получателя высказывания → внешняя реализация уточненного (откорректированного) варианта высказывания. Реализацию этой схемы можно проиллюстрировать примерами, которые были выявлены в речи иностранцев, находящихся на начальных этапах речевого развития. Иностранец, не имеющий учебника по русскому языку, решил попросить его у товарища. Не владея нужными формами речевого этикета, он обратился к нему со словами: *Я хочу эта книга*, по сути, вербально выразив мотив своего речевого поступка (*желание получить книгу*), но, не оформив должным образом коммуникативную интенцию (*просьбу дать книгу*). Моделируя данную ситуацию и зная, в каком направлении у иностранцев, изучающих русский язык, происходит становление речевой способности, можно предположить, что после освоения учащимся падежных форм существительных, форм пове-

лительного наклонения глаголов и формул речевого этикета, необходимых для выражения просьбы, он сможет оформить свою мысль более корректной фразой: *Дай мне учебник на пару дней*. Вполне вероятно, что эта просьба будет удовлетворена собеседником. Если же этого не случится, то говорящий предпримет попытку откорректировать или модифицировать свою речевую программу путем ее детализации, например: *Дай мне учебник хотя бы минут на десять, я сделаю копии нужных страниц*, или ввода в нее аргументов, усиливающих просьбу и оказывающих более сильный эффект на собеседника, например: *Дай мне учебник, спасай, ты же знаешь, что на следующем уроке меня будут опрашивать по всем темам*.

При порождении речи используются как *алгоритмические стратегии конструирования высказываний*, так и *стохастические*. При использовании алгоритмических стратегий порождение высказываний протекает по определенным правилам, предписывающим выбор языковых средств для формулирования избранных смыслов. При использовании стохастических стратегий говорящий избирает такую последовательность речевых элементов, где появление каждого нового элемента речевой цепи зависит от наличия и вероятности появления предшествующих элементов. При использовании стохастических стратегий основной единицей речепорождения выступает не отдельный элемент (например, слово), а определенная последовательность элементов (например, цепочка из нескольких слов). При этом моделируется вероятностная характеристика их появления в высказывании. Автором проведен ряд экспериментов, доказавших, что процесс порождения речи обязательно предполагает использование вероятностного принципа, в частности, знания испытуемыми условных (зависящих от появления предыдущих элементов) вероятностей появления каждого нового элемента высказывания. Знание этих вероятностей основано на *стратегии упреждения речи*, действие которой осуществляется по схеме: «произнесение текущего элемента высказывания сопровождается возникновением в «окне» сознания последующего элемента (или элементов) высказывания». Разумеется, что построение универсальных моделей и схем порождения речи, пригодных для всех случаев и для всех участников коммуникативного процесса, невозможно хотя бы потому, что в условиях естественной коммуникации одна и та же мысль может быть выражена разными способами, и определить каким путем двигался продуциент от замысла высказывания и кодовых переходов во внутренней речи к его внешнесинтаксической реализации можно только постфактум – по его конкретному речевому продукту. Но даже исследование речевых продуктов в этом случае еще не гарантирует ответа на вопрос, почему продуциент избрал такой, а не иной

способ построения высказывания. Так, в психолингвистических экспериментах верифицированы почти все существующие модели порождения речи, однако это не означает, что все они соответствуют психолингвистической реальности, и продуциенты в естественной коммуникации будут придерживаться какой-либо одной из этих моделей. Одно высказывание они могут построить по трансформационной модели, другое – по модели непосредственных составляющих (НС), третье – по стохастической модели порождения речи при минимальном участии программирующей стадии речепорождения. Более того, даже при порождении одного и того же высказывания разные продуциенты могут использовать разные модели порождения в зависимости от конкретных условий и индивидуальных возможностей и предпочтений, а поэтому судить о процессах возникновения мотива, интенций, замыслов говорящих при порождении высказываний можно только в конкретных речевых ситуациях. Причем сделать это можно уже по первым высказываниям говорящего, которые указывают на тему порождаемого сообщения. Однако это не означает, что сам говорящий всегда осознает выражаемую им интенцию, формирование которой чаще всего происходит в автоматизированном, неосознанном режиме, и сформулировать вывод о том, что он хотел выразить своим высказыванием, можно лишь постфактум в результате соответствующей аналитической операции. Соответственно, установить процедурную схему зарождения мотива, интенций и замыслов говорящего можно также постфактум, тщательно проанализировав продукт его речи. Иногда сделать это невозможно и постфактум, поскольку в повседневном общении не все речевые акты мотивированы потребностной сферой говорящих и часто общение собеседников приобретает характер немотивированной болтовни, в которой само содержание разговора их мало интересует, и общаются они на те или иные темы исключительно из норм такта и приличия с целью продемонстрировать свое уважительное отношение друг к другу. В связи с этим у лингводидактов возникает вопрос, а нужно ли исследовать мотивационную сферу сознания говорящего, если эта сфера самим говорящим в процессе порождения речи не осознается. При изучении процессов порождения речи психолингвистами ответ на этот вопрос положительный, поскольку без изучения мотивов порождения речи невозможно воссоздать точную и полную схему этих процессов. В лингводидактическом плане знание интенций необходимо для отработки учащимися форм их выражения в различных речевых ситуациях. Интенции помогают учащимся уяснить характер и цель речевых действий и ответственны за выбор темы высказывания и его содержания. И, хотя все подобные операции в условиях повседневного общения протекают мгновенно, причем так, что их не осознают даже сами обучаемые,

важно понимать, что в плане обучения эффективность любого речевого действия, производимого обучаемыми, напрямую зависит от знания ими цели данного действия и оптимальных способов достижения этой цели, поскольку эти два элемента обучающей системы составляют основу планирования высказываний и перехода к автоматизированному речепроизводству. Таким образом, то, что недоступно психолингвистам для наблюдения и экспериментального исследования и что постулируется ими как фактор невозможности реконструировать процесс порождения речи на довербальной стадии при формировании мотивов, интенций и речевых замыслов для лингводидактов, хотя и является важным, но в процессе обучения отходит как бы на второй план, поскольку в учебном процессе темы общения задаются самим преподавателям, а способы выражения интенций, как правило, представлены в таблицах, материал которых отрабатывается инофонами последовательно в различных коммуникативных ситуациях. Поэтому, с точки зрения построения эффективных моделей обучения инофонов речепорождению на русском языке, лингводидактов больше интересуют вопросы, связанные с исследованием речемыслительных операций, производимых на стадии внутреннего программирования высказываний и кодовых переводов этих «программ» на язык внешнего синтаксиса. При этом как для психолингвистов, так и для лингводидактов особый интерес вызывает вопрос: всегда ли говорящий программирует будущее высказывание или бывают случаи, когда программирующее звено «выпадает». В данном случае мы имеем в виду не шаблонные высказывания, которые строятся по унифицированному образцу или алгоритму и в нужный момент извлекаются из памяти автоматически, а о коммуникативных типах речи, под которыми мы, вслед за А.Р. Лурия, понимаем два типа высказываний – событийные высказывания, в которых отражены события и их последовательность (например: *мы завтра едем на экскурсию; строители строят новую школу; сначала я сделаю свою работу, а затем выполню твою просьбу*) и высказывания отношений (например: *они друзья; орланы – хищные птицы*). А.Р. Лурия вполне обоснованно считал, что это тот минимум различий, который следует учитывать при анализе процессов порождения речи. Очевидно, что этап внутреннего программирования касается преимущественно порождения высказываний первого типа, в которых нужен учет событий, их последовательность и причинно-следственная связь. Что касается высказываний второго типа, то их построение осуществляется без этапа внутреннего программирования: продуциент либо знает устанавливаемое отношение (и тогда он автоматически порождает данное высказывание), либо на ходу прогнозирует его (и тогда он строит это высказывание в виде соответствующего умозаключения), либо не знает его (и тогда он

опускает данное высказывание). При порождении речи после построения высказываний отношений говорящий, развивая свою мысль, переходит к построению событийных высказываний, которые требуют актуализации стадии внутреннего программирования. Например, после высказывания отношений: *Орлан – хищная птица*, продуцент может сообщить о том, чем питаются орланы, когда, как и на кого они охотятся, как они обнаруживают своих жертв и т.д., что требует составления определенного плана будущих высказываний и учета последовательности выражаемых событий. Программирование не зависит от самого набора «смыслов», которые следует преобразовать в высказывания, поскольку для выражения одной и той же интенции в пределах единой темы и единого содержания будущих высказываний в языковом сознании разных говорящих будут доминировать идентичные или сходные смыслы. Различия будут определяться только набором кодовых «слов» и кодовых переходов. У одних говорящих они будут более насыщенными, у других – менее насыщенными.

Стадия внутреннего программирования высказываний не наблюдаема, однако о ней можно судить по качеству порождаемых инофонами высказываний и их реакциям на речевые стимулы экспериментатора, по компонентному составу высказываний, оценке выражаемых в них смыслов, их корреляции друг с другом, точности вербальных реакций на речевые стимулы экспериментатора, а также по объему высказываний и их смысловой насыщенности. Ясно, что на стадии внутреннего программирования высказываний говорящие оперируют не словами, а единицами внутреннего (субъективного) кода. У каждого говорящего эти коды и ментальные эталоны свои. В то же время в конкретных речевых ситуациях прослеживается нечто общее в актуализируемой кодовой семантике говорящих, заданной тематической и прагмосмысловой проекцией речевых стимулов. Находясь под действием речевых стимулов экспериментатора, испытуемые свои вербальные реакции должны вписывать в смысловой рисунок речевых стимулов, а это вынуждает их актуализировать в своей семантической памяти сходные для всех испытуемых фрагменты «знаний» и кодовых слов, которые на стадии внешнего синтаксирования найдут отражение в сходном лексическом наполнении высказываний. Скорее всего, что сходные элементы в смысловой структуре будущих высказываний найдут свое выражение в актуализации сходных фрагментов фоновых (предтекстовых) знаний о предмете речи. И хотя все это не гарантирует сходства способов выражения смыслов и тождественности их лексического и грамматического наполнения, общий смысловой рисунок порождаемых высказываний в определенном плане должен быть сходным и выражать одно и то же, хотя и в разных языковых формах.

Таким образом, на стадии внутреннего программирования высказываний говорящий должен выполнить несколько речемыслительных операций: во-первых, актуализировать в своем сознании нужный фрагмент смыслового пространства, соответствующий теме и содержанию будущего высказывания; во-вторых, отобрать нужные кодовые «слова» для последующего перевода их в слова естественного языка; в-третьих, «приписать» этим кодовым «словам» нужную смысловую нагрузку, соответствующую контексту будущего высказывания; в-четвертых, ментально выстроить эти кодовые «слова» в определенную иерархию смыслов, которая в дальнейшем послужит основой для синтактико-смысловой организации будущего высказывания и выбора говорящим нужного фокуса повествования. По сути, финальное звено в этой схеме будет отражать иерархически построенную в сознании говорящего «ментальную запись» ключевых кодовых «слов», которая впоследствии сформирует основу для будущего высказывания. Таким образом, операционный потенциал стадии внутреннего программирования высказываний включает *стратегию отбора нужных «смысловых единиц»* (или кодовых «слов»), актуализирующих избранное говорящим тематическое поле содержания высказывания, которые, попадая в «окно сознания», актуализируют сопряженные с ними смысловые единицы, формирующие смысловой контекст будущего высказывания. Посредством *стратегий ориентировки в конструируемой ситуации* эти единицы в сознании говорящего с помощью соответствующих *генерализирующих* и *детализирующих стратегий* сформируют иерархию «кодовых эталонов» и будущий смысловой каркас порождаемого высказывания в зависимости от «смыслового веса» и сорасположенности в выстраиваемой иерархии каждого кодового «слова». При переходе на уровень внешнего синтаксиса верхнюю позицию в этой иерархии займет тот элемент высказывания, который говорящий сделает в нем главным. Например, в высказывании: «*Завтра не все наши едут за город*» формально новая (рематическая) информация выражена в его финальной части, и, кажется, что именно ради этой информации говорящий построил свое высказывание. Однако в устной речи рематическая часть может быть выражена в любой части высказывания, что обычно выделяется логическим ударением. Очевидно, что в интенциональном плане данным высказыванием (в отличие, например, от высказывания: «*Завтра все наши едут за город*») говорящий хотел сфокусировать внимание собеседника не на факте поездки за город, а на том факте, что у некоторых его общих с собеседником друзей планы изменились, и они не поедут за город. Соответственно, в каком направлении будет развиваться смысловой рисунок будущего сообщения говорящего зависит от того, какой компонент данного высказывания он избрал главным. Например, в слу-

чае если главным информационным фактом в своем высказывании он избрал поездку за город, то далее он должен сообщить, с какой целью они едут туда (на пикник, порыбачить, поохотиться или просто весело провести время). Если же он сделал смысловой акцент на том, что не все его друзья поедут за город, тогда дальше он, скорее всего, сообщит своему собеседнику, кто из их общих друзей не поедет за город и почему. Впрочем, эту информацию может запросить и сам собеседник, не дожидаясь того, о чем сообщит инициатор сообщения, причем не только о том компоненте высказывания, который говорящий сделал главным, но и о любом информационном компоненте исходного высказывания. Например, собеседник может поинтересоваться, о какой поездке идет речь и почему о ней его никто не проинформировал, и инициатор общения будет вынужден реагировать на эти информационные запросы собеседника, модифицируя смысловой фокус своего первичного высказывания в сторону информационных запросов собеседника. Именно высокой степенью вариативности и проспективности речепорождающих моделей объясняется трудность исследования возможных вариантов построения высказываний и используемых при этом стратегий речепорождения. К тому же в реальных речевых ситуациях с участием носителей языка все подобные речевые операции протекают мгновенно, что также затрудняет их перевод в некий универсальный, унифицированный формат. Иное дело, если в диалоге участвуют инофоны, владеющие русским языком на элементарном уровне. В этом случае реализация этих операций будет существенно запаздывать, что позволит выявить некоторые трудности, с которыми они столкнулись в процессе порождения высказываний. К тому же вариативность используемых инофонами высказываний будет намного меньшей, поскольку речь иностранцев, которые ограничены только освоенными речепорождающими моделями высказываний и синтаксическими схемами предложений, в отличие от носителей языка, характеризуется большей унифицированностью, стандартизованностью и прогнозируемостью. В основном это базовые структурно-синтаксические схемы предложений, которые входят в программный минимум изучения языка, и лишь изредка к ним добавляются избыточные синтаксические схемы, которые осваиваются инофонами преимущественно на продвинутых этапах обучения, да и то в ограниченном объеме и на ограниченном учебном материале.

Таким образом, принципиальное различие в порождении высказываний, реализующих одну и ту же интенцию, начинается не на этапе внутреннего программирования, а на этапе кодового перехода к внешней речи, а именно при грамматическом выборе структуры высказывания. Перевод с одного кода на другой – это перевод с ментального кода на

внутреннюю программу и далее с этой программы на внешний язык. Исключение составляет спонтанное речепорождение, при котором внутренняя программа высказывания выступает в некоем «разорванном» виде, не как единая цепь смыслов, а как набор моментально актуализируемых изолированных смыслов, которые объединяются в единую цепь смыслов на уровне внешнего синтаксирования высказывания. Внутренняя программа речевого высказывания может быть переведена во внешний план тремя способами: 1) путем смыслового означивания ментальной схемы высказывания в формате ее подстройки к имеющимся в индивидуальном опыте говорящего структурным схемам или моделям высказывания (т.е. с использованием *стратегий модельного (схемного) построения высказываний*); 2) путем смыслового означивания ментальной схемы высказывания в формате свободного речепостроения (т.е. с использованием стратегий пошагового построения высказываний с частичной опорой на схемы высказываний или посредством свободного конструирования высказываний); 3) путем перевода «разорванной» внутренней программы высказывания, основанной на изолированных смыслах, в единую цепь смыслов на уровне внешнего синтаксирования высказывания (т.е. с использованием *стратегий восстановления «разорванных» пропозиций*).

Вариативность в уровнях владения языком соотносима с различными стратегиями и способами программирования высказываний. Так, при недостаточном владении языком инофоны задействуют многоступенчатые кодовые переводы «смыслов» с родного языка на изучаемый и операции внутреннего проговаривания, теряя время на реализацию этапа программирования высказывания, а при достаточно развитом уровне владения языком перевод кодовых «смыслов» осуществляется без межъязыковых перекодировок и все время на довербальной стадии порождения речи тратится на структурно-смысловое программирование высказываний. Из этого следует, что при экспериментальном исследовании операций, реализуемых в ходе внутреннего программирования высказываний с участием инофонов с разным уровнем владения языком или инофонов и носителей языка, у исследователей появляются дополнительные возможности изучения этих операций. Прежде всего, исследование процессов порождения спонтанной речи на родном и иностранном языке, с одной стороны, и иностранном языке, но с участием испытуемых с разным уровнем языковой подготовки, с другой стороны, позволит установить, что эти процессы имеют определенные отличия на этапе внутреннего программирования высказываний и принципиальные отличия на этапе их внешнесинтаксического структурирования. На этапе внутреннего программирования отличия проявляются в вариативности структур суждений как единиц мышления, формируемых под индивиду-

альным углом зрения, а на этапе внешнесинтаксического структурирования – в вариативности структур высказываний как единиц языка, которые не совпадают со структурой индивидуальных суждений как единиц мышления.

На этапе внутреннего программирования высказывания происходит выбор ключевого смысла, который должен быть отражен в высказывании и развернут в смысловую структуру, соответствующую последовательности кодовых «слов» в «ментальной» записи, с подстройкой под тему общения, коммуникативную ситуацию, фазу ситуации (начальная, развитие темы или подведение итогов), фактор адресата (от этого будет зависеть смысловая насыщенность высказывания и доступность понимания его адресатом). Для перевода сообщения из довербальной в вербальную форму говорящий должен иметь доступ к двум видам знания – процедурным и декларативным. Процедурные знания необходимы говорящему для того, чтобы он мог строить высказывания по схемам, по которым ранее уже строил высказывания, задействуя *аналоговые стратегии*, а также конструировал концептуальную структуру высказывания последовательно по мере заполнения позиций в его синтаксической структуре нужными словами и словоформами, соблюдая правила русской грамматики на уровне парадигматики и синтагматики, т. е. задействуя *стратегии конструирования концептуальной структуры высказывания*. В свою очередь, декларативные знания необходимы говорящему для того, чтобы при построении высказываний он мог использовать готовые блоки информации, известные ему из разных источников, а также модифицировать концептуальные схемы высказываний посредством их преобразования и детализации (*стратегии преобразования схем посредством уточнения или детализации отдельных частей схем*). При использовании этих стратегий как раз и происходит перестройка высказываний путем добавления корректирующих речевых структур или различного рода замен. Подвидами декларативных знаний являются лексико-грамматические знания, благодаря которым говорящему удастся строить грамматически правильные высказывания, а также ситуационное, или дискурсивное знание, которое позволяет говорящему оценить ситуацию и условия, в которых происходит порождение высказывания, и интеллектуально-образовательный потенциал и семиотический статус собеседника, которому адресуется это высказывание.

На этапе внешнесинтаксического структурирования высказывания происходит конструирование синтаксической схемы высказывания с установлением слотов для слов, которые следует отобрать – отбор нужных слов и заполнение ими синтаксической схемы высказывания в соответствии с грамматическими нормами и правилами согласования и

управления – артикуляторная реализация высказывания. На этапе лексико-грамматического развертывания высказывания происходит переход от плана внутренней речи к семантическому плану. В результате актуализации *стратегии конструирования пропозиций* формируется набор языковых единиц объективного кода, напоминающих пропозициональную структуру высказываний: *Завтра – нужно идти – экзамен – язык – русский*. Суть линейного развертывания высказывания состоит в его грамматическом структурировании, т.е. в создании соответствующей грамматической конструкции высказывания. При этом на основе выделения «исходной» предикативной пары «субъект – предикат», начинается осуществляться синтаксическое «прогнозирование» высказывания и его расширение. На речемыслительном уровне процесс грамматического структурирования высказывания включает: 1) нахождение (выбор из имеющихся мемориальных «эталонов») грамматической конструкции (*нужно идти куда; когда нужно идти туда*); 2) определение роли, определяемой грамматической формой первого (или ключевого) слова, в словосочетании или высказывании. Например, выполнение «грамматических обязательств», определяемых типом словосочетания: определяемое слово > грамматическая форма определяемого слова; «стержневое» слово > форма управляемого слова (*нужно иди + на экзамен*); 3) определение места элемента (выбранного по значению слова) в избранной синтаксической структуре и наделение его грамматическими характеристиками (*завтра нужно идти на экзамен по русскому языку*). Последовательным элементам создаваемого высказывания приписываются все недостающие им для полной языковой характеристики параметры: а) место в общей синтаксической схеме высказывания; б) «грамматические обязательства», то есть конкретная морфологическая реализация места в общей схеме плюс грамматические признаки; в) полный набор семантических признаков; г) полный набор акустико-артикуляционных (или графических) признаков. Наделение слов (лексем) грамматическими характеристиками предполагает выбор нужных словоформ из соответствующего ряда грамматических форм слов. Данный этап завершается интеллектуальными операциями семантико-синтаксического «прогноза» соответствия подготовленного к реализации речевого высказывания его целевой установке. Иными словами, определяется, соответствует ли составленное речевое высказывание задачам речевой коммуникации. Составленный вариант речевого высказывания соотносится с его программой, общим контекстом речи и ситуацией речевого общения. Исходя из результатов такого анализа, говорящим принимается решение о переходе к завершающей стадии построения речевого высказывания

– стадии его внешней реализации. Здесь возможны три варианта принятия решения:

1) решение о продуцировании высказывания на уровне внешней речи без внесения в него корректив, например: *Завтра тебе нужно идти на экзамен по русскому языку*;

2) решение о внесении корректив и дополнений в содержание или языковое оформление высказывания, например: *Завтра тебе нужно идти на экзамен по русскому языку. Начало экзамена в девять часов. Смотри, не пропусти! У нас группа небольшая, и экзамен пройдет быстро*;

3) решение об отмене запланированного речевого действия. Последнее решение говорящий может принять не только из-за того, что он передумал и не стал уведомлять собеседника об экзамене, но и из-за того, что собеседник прервал говорящего на полуслове и своей репликой дал исчерпывающий ответ по данной теме общения, и у говорящего отпала необходимость продолжать начатую реплику, например: *Завтра тебе нужно идти на... → Да, я помню, помню, что завтра экзамен*.

Таким образом, порождение речи включает различные стратегии и тактики, предполагает обязательную мотивированность и целенаправленность, носит эвристический характер, т.е. при поставленной сознательной цели говорящий может произвольно (сознательно, неосознанно и автоматически) выбирать оптимальный способ достижения этой цели (в плане стратегий и тактик порождения речи). Пошаговая структура порождения речи включает довербальный этап (план, замысел) внутреннего программирования высказывания, задающий содержательный инвариант высказывания. На этом этапе говорящий использует несколько стратегий:

1) *стратегии предикции над семантизированными образами* (предметными значениями); 2) *стратегии оформления содержания в единицах языка* (словах и словосочетаниях); 3) *стратегии пропозициональной организации высказываний*; 4) *стратегии перехода от пропозициональной организации высказываний к линейной последовательности их построения во внешнем синтаксисе*. Последние стратегии тесно связаны со стратегиями грамматического конструирования высказываний, которые реализуются с помощью следующих тактик: 1) тактики грамматикализации речевой программы, т.е. переход к опорным словам высказывания; 2) тактики закрепления грамматических «обязательств» (предписанных правил), если они требуются структурой данного языка; 3) тактики грамматического прогнозирования высказывания; 4) тактики перебора возможных прогнозов и их сопоставления с программой порождаемого высказывания. С помощью определенного набора тактик реализуются также и *стратегии выбора слов*, реализуемых с помощью 1) так-

тики поиска семантических и звуковых признаков слов и 2) тактики учета субъективной вероятностной характеристики слов. Эти тактики позволяют говорящему обнаружить в индивидуальном лексиконе, обслуживающем доинтеллектуализированную обиходную речь, или в тезаурусе, обслуживающем высокоинтеллектуализированную (в том числе научную) речь, соответствующие лексические и понятийные «эталоны» либо создать новые единицы путем словотворчества. В некоторых случаях говорящий не может подобрать нужный «эталон» (слово или понятие), а поэтому он либо должен перефразировать мысль, либо выразить ее описательно.

При порождении речи используются как *алгоритмические стратегии конструирования высказываний*, так и *стохастические*. При использовании алгоритмических стратегий порождение высказываний протекает по определенным правилам, предписывающим выбор языковых средств для формулирования избранных смыслов. При использовании стохастических стратегий говорящий избирает такую последовательность речевых элементов, где появление каждого нового элемента речевой цепи зависит от наличия и вероятности появления предшествующих элементов. При использовании стохастических стратегий основной единицы речепорождения выступает не отдельный элемент (например, слово), а определенная последовательность элементов (например, цепочка из нескольких слов). При этом моделируется вероятностная характеристика их появления в высказывании. Автором проведен ряд экспериментов, доказавших, что процесс порождения речи обязательно предполагает использование вероятностного принципа, в частности, знания испытуемыми условных (зависящих от появления предыдущих элементов) вероятностей появления каждого нового элемента высказывания. Знание этих вероятностей основано на *стратегии упреждения речи*, действие которой осуществляется по схеме: «произнесение текущего элемента высказывания сопровождается возникновением в «окне» сознания последующего элемента (или элементов) высказывания». Разумеется, что построение универсальных моделей и схем порождения речи, пригодных для всех случаев и для всех участников коммуникативного процесса, невозможно хотя бы потому, что в условиях естественной коммуникации одна и та же мысль может быть выражена разными способами, и определить каким путем двигался продуцент от замысла высказывания и кодовых переходов во внутренней речи к его внешнесинтаксической реализации можно только постфактум – по его конкретному речевому продукту. Но даже исследование речевых продуктов в этом случае еще не гарантирует ответа на вопрос, почему продуцент избрал такой, а не иной способ построения высказывания. Так, в психолингвистических экспериментах верифицированы почти все существующие модели порождения речи, однако это не означает, что все они соответствуют психолингви-

стической реальности и продуциенты в естественной коммуникации будут придерживаться какой-либо одной из этих моделей. Одно высказывание они могут построить по трансформационной модели, другое – по модели непосредственных составляющих (НС), третье – по стохастической модели порождения речи при минимальном участии программирующей стадии речепорождения. Более того, даже при порождении одного и того же высказывания разные продуциенты могут использовать разные модели порождения в зависимости от конкретных условий и индивидуальных возможностей и предпочтений, а поэтому судить о процессах возникновения мотива, интенций, замыслов говорящих при порождении высказываний можно только в конкретных речевых ситуациях. Причем сделать это можно уже по первым высказываниям говорящего, которые указывают на тему порождаемого сообщения.

Выводы. *Исследование схем и стратегий порождения речи – невероятно трудный процесс. Тем не менее знание их необходимо не только для развития стратегической психолингвистики и лингводидактики. Чем больше будет выявлено и описано таких схем и стратегий, тем ближе мы будем к построению стратегической теории порождения речи, которая станет основой для построения стратегической теории обучения продуцированию речи.* Стратегии речепорождения – это общие и индивидуальные закономерности в реализации речемыслительной и речевой деятельности при порождении высказываний. Эти стратегии включают в себя глубинные психологические процессы речемыслительной деятельности, посредством которых происходит планирование речевой деятельности и ее переход от внутренней речи к внешней. Знание этих стратегий необходимо, хотя бы потому, что на основе их изучения можно построить оптимальную модель обучения говорению. Оптимально выработанные стратегии улучшают и оптимизируют процессы порождения речи, а при регулярном их использовании приводят к эффекту автоматизации. Общим в стратегиях порождения речи является принцип реализации речемыслительных операций, а индивидуальным – способы достижения цели, которые отличаются уникальностью и вариативностью и формируются в зависимости от пресуппозиционной, профессиональной, языковой и когнитивной компетентности говорящих, которая формирует операционный потенциал стратегий и тактик и стимулирует говорящих к порождению речи под индивидуальным углом зрения. Индивидуальные стратегии формирования высказываний основаны на выборе говорящим одного из возможных вариантов действия, направленного на оптимизацию способов перевода заложенной в высказываниях смысловой информации в доступную для слушателя форму [3; 4]. Результативность этого процесса во многом зависит от эффективности стратегий, которыми пользуются говорящие при порождении высказываний. Например, если говорящий осознает, что задуманное он не сможет выразить так, как он запланировал, то в этом случае он попытается модифицировать порождаемое высказывание путем

его смыслового или языкового упрощения. Таким образом, стратегии рече-порождения – это комплекс процедур, посредством которых говорящий планирует высказывание в соответствии с мотивом, интенцией и коммуникативным замыслом, программирует его на уровне глубинного пропозиционального смысла во внутренней речи, приводит в соответствие с семантическим планом высказывания, а затем с помощью адекватно отобранных языковых средств, синтаксических конструкций и схем предложений оформляет порождаемое высказывание по правилам внешнего синтаксиса.

Библиографические ссылки

1. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов М.: АСТ: Астрель, 2005.
2. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке: кн. для учителя 2-е изд. М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
3. Лебединский С. И. Стратегии понимания устной научной речи: дисс. на соиск. уч.ст-ни д-ра филол. наук: 10.02.19 Минск, 2018.
4. Лебединский С. И. Теория обучения русскому языку как иностранному: психолого-лингвистические и лингвометодические аспекты: учеб. пособие для студентов спец. 1-21 05 02 05 «Русский языка как иностранный» Минск : Белорус. гос. ун-т, 2005. 389 с.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

В. А. Астапенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, astapenko.valentina@tut.by*

В статье говорится о влиянии цифровизации на процесс обучения иностранным языкам, в частности русскому языку как иностранному. Указывается на то, как цифровые инструменты изменяют образовательный процесс, делая его более гибким, доступным, интерактивным и персонализированным. Автор анализирует различные цифровые платформы и приложения, отмечая их роль в повышении качества обучения русскому языку иностранных студентов и улучшении их когнитивных навыков. Также делается вывод о необходимости сохранения живого общения преподавателя и студента, о необходимости органического сочетания традиционных и инновационных методов обучения для обеспечения полноценного освоения языка.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые технологии; интерактивные инструменты; образовательная платформа; персонализация обучения; виртуальные доски; языковые тренажеры.